

Добрыня и Змеинище Горынище

Оставалось у Микиты все житье-бытье,
Все житье-бытье, осталось имение,
Все имение осталось малу детищу
Да по имени Добрынюшке Микитовичу.
Да и не белая бероза (к) земле клонится,
И не шелковая трава в поле устилается,
Еще клонится родной сын перед матерью:
— Еще дай ты мне, матушка, благословение
Идти мне стрелять гусей-лебедей,
Перелетных серых малых уточек!
Ну хоть дашь, пойду, и не дашь, пойду!

Стала ему матушка наказувати:
— Ах, Добрыня, ты, Добрыня, ты, Микитович,
Ах ты, детишке мое ты любимое,
Ну захватят тебя зори петровския,
Еще те же солнцопеки меженные,
Ну захочется помутись, покупатися,
А ты плавай, Добрыня, на перву струю,
А ты плавай, Добрыня, на втору струю,
Не доплавливай, Добрыня, на третью струю!
Еще третья струя быстрым-быстра,
[Унесет тебя усть мора, мора синяго] (греческа),
Понесет тебя ко камушку Алатыру,
Ко тому ли ко Змеинищу Горынищу,—
Захватили его зори петровския,
Еще те же солнцопеки меженные,
Захотелось помутись, покупатися.
Плавал Добрыня на перву струю,
Плавал Добрыня на втору струю,
Со второй-то струе назад вращиватся,
Приплыват Добрыня ко круту бережку.
Тут спрговорят его слуги верные:
— А не честь твоя, хвала молодецкая,
А не выслуга твоя богатырская,—
Не доплыл ты, Добрыня, на третью струю!

Кидался-бросался во быстру реку,
Доплывал-то Добрыня на третью струю,
А третья та струя быстрым-быстра,
[Унесла его усть мора, мора синяго] (греческа)
Унесла его ко камешку Алатыру,
Ко тому ли ко Змеинищу Горынищу.
[Вылетала тут Змеинища Горынища,
Налетала Змеинища на Добрынюшку,
Налетев, она, Змеинища, рассмеялася:]
— Не святы отцы писали-прописалися,
Не волшебницы волшили-проволшилися,
Будто мне от Добрыне-то и смерть принять,
А теперь, ты, Добрыня, во моих руках.
Еще хошь ли, Добрыня, хоботом схвачу?
Еще хошь ли, Добрыня, во огне спалю?
Еще хошь ли, Добрыня, целиком сглочу?

А горазд-то бул Добрыня по воде ходить,
Тут он нырнул, там он вынырнул.
Не случился у Добрыне его добрый конь,
Не случилась у Добрыне сабля вострая,
Случилась только шляпа белоеловка.
Нагребал он в эту шляпу хрущата песка,
Еще той ли земли, земли греческой,
Ну стрелял он во Змеинищу Горынищу,
Отбивал ей хоботы железные,
Обрывал те крылья гумажные.
Падала Змеинища на сыру землю.
Ретив бул Добрынюшка Микитович,
[Скочил он Змеинище на белу грудь,
Он выдергувал чингалище булатное,
Егце хочет спороть ей белу грудь.]
Тут взмолилася Змеинища к Добрынюшке:
— Еще станем мы с тобой, Добрыня, брататься!
— Не хочу я со змеиным родом брататься!
Распорол он у Змеинищи ту белу грудь,
[Он палил ту Змеинищу во пламяще...]
Поплыл к слугам и убил всех до одного.

(Зап. В. Г. Тан-Богораз весной 1895 г. от Михаила Соковикова на нижней Колыме в д. Керетово)

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.